

За всю свою немалую жизнь я ни разу не испытывал того, что называют «горе от радости», по той простой причине, что радоваться мне особо не доводилось. Но сегодня, надо признать, я знатно расширил свой кругозор.

— Бинты! Горячую воду! Живее, живее! — надрывался императорский лекарь Шангуань Ся.

Не успел он дойти до своей лечебницы, как страж Сюй Чанчжи бесцеремонно притащил его обратно. Теперь старик суетился над моей постелью, примериваясь к многострадальному животу.

Лекарь так отчаянно требовал, чтобы я дышал ровнее и не смел шевелиться, что я невольно почувствовал себя роженицей. Проблема лишь в том, что из моего чрева при всем желании никакого дитяти не достать. Единственное, что из меня сейчас могло вывалиться...

Впрочем, ладно, лучше об этом не думать.

Чжун Бочэнь от такой неожиданности на мгновение оцепенел. Он замер у постели, растерянно разведя руки и не произнося ни слова. Заметив, что лицо великого канцлера побелело, словно чистый лист бумаги, я поспешно выдавил улыбку:

— Не вини себя, Господин Чжун. Это я сам виноват — слишком резко дернулся.

Бочэнь промолчал, продолжая неотрывно смотреть на мой окровавленный, весьма неэстетичный живот. Сгорая от неловкости, я попытался прикрыться одеялом и в порыве суестьи накрыл им заодно и Шангуань Ся.

— Ваше Высочество, — глухо донеслось из-под плотной ткани, — если вы продолжите брыкаться, ваш покорный слуга случайно ткнет иглой туда, куда тыкать категорически не следует.

Пришлось подчиниться суровому тону лекаря и сбросить одеяло. Я виновато махнул канцлеру рукой:

— Господин Чжун, ступайте пока наружу. Зрелище, право слово, неприглядное.

Чжун Бочэнь стремительно развернулся и покинул опочивальню. Едва я облегченно вздохнул и поднял глаза, как заметил на бумажном окне отчетливый силуэт.

«Что ж, понятно. Наш почтенный канцлер просто подпирает стену во дворе».

Шангуань Ся трудился не покладая рук, утирая пот, который заботливо промакивал чистым полотенцем страж Сюй Чанчжи. Глядя на их мрачные, сосредоточенные лица, я то и дело

ловил себя на мысли, что лекарь вот-вот извлечет из моей утробы что-нибудь совершенно противоестественное.

К счастью, старик действительно обладал даром врачевания. Мой несчастный живот снова стянули аккуратные швы. Однако Шангуань Ся так и остался хмуриться. Он бросил многозначительный взгляд на Сюй Чанчжи, и они принялись шептаться, склонив головы друг к другу.

Не выдержав этого заговора молчания, я занервничал и потребовал выложить все начистоту.

Шангуань Ся опустился на колени и отвесил земной поклон.

— Ваше Высочество, покорнейше прошу простить дерзость вашего слуги, но... рана слишком долго не затягивается. Здесь явно что-то не так.

Из-за дикой боли я весь взмок. В такие минуты отсутствие современной анестезии казалось изощренной пыткой. Впрочем, парень я крепкий и в обморок падать не собирался.

— Может... — едва слышно прохрипел я, — у меня просто слабое здоровье?

— Напротив, Ваше Высочество наделен завидным здоровьем, — простодушно ответил лекарь.
— Будь вы слабее телом, давно бы уже испустили дух.

«Да уж, утешил так утешил», — мысленно усмехнулся я.

Сюй Чанчжи незаметно ущипнул старика за бок, призывая прикусить язык. Мне было не до их безмолвных препирательств: в голове роились тревожные мысли. Неужели я опять съел или выпил что-то неподобающее, из-за чего швы гноятся?

Пока я лихорадочно соображал, в комнату вернулся Чжун Бочэнь, успевший изрядно намерзнуть на улице. Он замер у постели и уставился на меня с таким скорбным видом, словно пришел на поминки.

Под его тяжелым взглядом я почувствовал себя неловко. Едва я открыл рот, чтобы разрядить обстановку, как канцлер решительно шагнул вперед и принялся расстегивать мою исподнюю рубаху. Не успел я и глазом моргнуть, как он бережно приподнял мою голову и ловким, отточенным движением стянул с меня верхнюю часть одежды.

Разложив рубаху на ладони, Бочэнь принялся пристально ее изучать. Я же остался лежать полуголым, растерянно переглядываясь с Сюй Чанчжи. Я мгновенно густо покраснел — от стыда я готов был провалиться сквозь землю.

— Послушай... Господин Чжун, — пролепетал я, судорожно натягивая одеяло до самого подбородка. — Среди бела дня... имейте же совесть!

Шангуань Ся поспешно закрыл лицо ладонями, без умолку бубня под нос: «Благородный муж не смотрит на неподобающее...»

А вот Сюй Чанчжи, вместо того чтобы защитить своего господина, бесстыдно придвинулся ближе к канцлеру и тоже уставился на ворох ткани.

Вдвоем они вертели рубаху так и этак, но ничего подозрительного не обнаружили. Тогда взор канцлера вновь медленно скользнул по моему телу. На этот раз — гораздо ниже пояса.

Я вцепился в одеяло мертвой хваткой, сжавшись в комок и чувствуя себя абсолютно незащищенным. Худшие опасения подтвердились: великий канцлер бесстрастно произнес:

— Снимай штаны.

— Сжался... оставь мне хоть каплю достоинства, — взмолился я, мелко дрожа.

Прекрасно понимая, что он делает это не ради забавы, я все же упрямо пытался отстоять право на приличие. Чжун Бочэнь спорить не стал. Он понимающе кивнул и коротко бросил остальным:

— Ступайте вон.

В комнате воцарилась тишина. Оставшись наедине с канцлером, под его пронизательным взглядом я вдруг ощутил странную робость. В памяти услужливо всплыли строчки из оригинального сюжета: этот парень изначально задумывался как «трагический герой второго плана, безответно влюбленный в главного героя».

Стоило Бочэню протянуть руку к одеялу, как я попытался изобразить хоть какое-то сопротивление. Тщетно. Совершенно невозмутимый канцлер действовал столь молниеносно и бесцеремонно, что у меня закрались сомнения в чистоте его помыслов. Секунда — и я лишился штанов.

Что ж, теперь от полной наготы меня отделяли лишь тонкие исподние штаны. Распластавшись на постели, я обиженно бурчал под нос ругательства, обзывая почтенного канцлера наглецом и развратником. Но Господин Чжун даже ухом не повел. Он подошел к окну и принялся разглядывать мои брюки на просвет.

Сгорая от стыда, я едва сдерживал слезы, судорожно прижимая ладони к поясу нижнего белья — кто знает, вдруг этот деспот решит лишить меня и последней преграды?

Вдруг пальцы Бочэня замерли. На его лице промелькнуло мрачное понимание. С резким треском он распорол внутренний шов на поясе и аккуратно выудил оттуда узкую полоску черной ткани. От нее тут же повеяло едким травяным запахом, а на пол посыпалась мелкая сухая труха.

Лицо Чжун Бочэня в этот миг я запомнил на всю жизнь. Глаза его налились кровью, на висках и лбу вздулись багровые вены. В эту секунду он походил на свирепого, смертоносного зверя, из последних сил сдерживающего ярость в тесной клетке. Я вдруг отчетливо осознал: его привычная кротость — не более чем искусно вытканная маска. Под овечьей шкурой все это время скрывался безжалостный хищник.

— Бочэнь... — содрогаясь от боли и подступившего страха, тихо позвал я его.

Даже соображал я туго, но тут картина сложилась сама собой. Кто-то намеренно пропитал ядом швы на моей одежде, чтобы рана никогда не затянулась. И сделать это мог лишь тот, кто имел беспрепятственный доступ к моим вещам: либо прислужники из ближайшего окружения... либо моя собственная мать.

За что родная мать так люто возненавидела меня? Неужели дело лишь в слепой любви к моему младшему брату? Или за этим кроется иная, куда более зловещая тайна? Впрочем, копаться в чужих интригах мне не хотелось. Сейчас меня по-настоящему пугало другое: как бы разгневанный канцлер в одночасье не вырезал половину императорского дворца.

Услышав мой голос, Чжун Бочэнь вздрогнул и поднял глаза. Смертоносная буря на его лице утихла так же мгновенно, как и поднялась.

— Вашему Высочеству не о чем беспокоиться, — мягко произнес он. — Ваш слуга...

— Ну уж нет, посмотри на себя! Как тут не беспокоиться? — Я поспешно натянул на плечи одеяло и приподнялся на локтях. — Со мной все будет хорошо. Господин Чжун, у меня ведь только одна мать... Пожалуйста, не трогай ее.

— Ваш слуга... не посмеет... — Его тихий голос прозвучал на редкость неубедительно.

Бочэнь приблизился к постели, снял с вешалки теплое парчовое одеяние и бережно набросил мне на плечи.

— Желает ли Ваше Высочество кого-нибудь принять? Если нет, то вам лучше побыть в покое.

К нему вернулась привычная вкрадчивая вежливость, но когда его ледяные пальцы случайно коснулись моих плеч, по спине пробежал озноб. Я понимал: Бочэнь не сможет простить себе то, что Цэнь Юэ, которого он с таким трудом разыскал и вернул в столицу, едва не погиб прямо под его присмотром.

Опасаясь за жизнь матушки-императрицы, я поспешно перехватил его запястье и заглянул ему в глаза:

— Господин канцлер все еще гневается?

Бочэнь опустил голову. Его взгляд замер на ладони, которую я сжимал так крепко, что на коже проступили белые следы от моих пальцев.

— Гневаюсь, — тихо выдохнул он.

«Так я и знал!»

Встревоженный не на шутку, я потянул его за собой, заставляя присесть на край постели.

— Да брось ты, не стоит оно того. У матушки свои причины любить младшего брата сильнее. Если на то пошло... пусть Цэнь Жуй забирает трон. Лишь бы все утихло. Ты ведь и сам сегодня видел на совете — из меня правитель как из козла молоко.

Бочэнь едва заметно вздрогнул. Он поднял на меня взгляд — бездонный, полный такой щемящей тоски, что у меня болезненно сжалось сердце.

— Ваше Высочество, — глухо произнес он после долгого молчания, — доверьтесь мне еще раз.

Я уловил, как дрогнул его голос на последнем слове, и растерялся еще больше.

— Бочэнь, ты умен и предан, разумеется, я верю тебе. Но пойми: власть — не для меня. Зачем злить матушку, доводить дело до взаимной ненависти и проливать кровь собственного брата? Проще избавиться от этой обузы. Мне ведь многого не надо — лишь бы сытно кормили да не мешали жить в свое удовольствие.

— Сегодня во дворце Ваше Высочество держался безупречно, — прервал меня Бочэнь, сделав вывод, от которого у меня буквально отвисла челюсть. — Чиновники были поражены вашей твердостью. Министр чинов признал, что в вас чувствуется истинное величие правителя, а генерал Вэй и вовсе сравнил вас с покойным императором.

«Пресветлые небеса, да он же нагло врет мне в лицо!»

Я скорчил скептическую гримасу и едва не взвыл от досады:

— Прекратите тешить себя иллюзиями! Во дворце подрастает прекрасный наследник — принц Цзинь, взлелеянный в холе и неге. Зачем вам упрямо тащить на трон меня, дикое, иссушенное

ветрами степей дерево, и пытаться привить его в императорском саду?

— Ваше Высочество слишком к себе суров, — Бочэнь мягко коснулся моего лба шелковым широким рукавом, стирая холодную испарину, а затем заботливо поправил подушки, помогая мне устроиться поудобнее. — Принц Цзинь вырос в золотой клетке и совершенно не знает жизни простых людей. С вами ему не сравниться. Известно ли Вашему Высочеству, почему шестой принц лишился поддержки двора? И дело тут вовсе не в моих кознях. Его собственная глупость и непомерная гордыня оттолкнули даже самых преданных престолу вельмож.

Вот уж чего я не ожидал услышать. В сюжете игры мой младший брат представал таким добродушным простаком, искренне привязанным к старшему брату. Сгорая от любопытства, я попросил канцлера рассказать подробнее, какими же безумствами успел отличиться Цэнь Жуй. И то, что я услышал, повергло меня в истинный шок.

Когда старший брат, принц Чун, бежал из столицы, он забрал с собой лишь личную гвардию, оставив пограничные войска нести службу на заставах. Солдаты Северо-западной армии даже не ведали об интригах своего господина и уж точно не участвовали в мятеже. Однако стоило пыли улечься, как они обнаружили, что над ними сменилась власть.

Едва дорвавшись до власти, Цэнь Жуй первым же делом обрушил карающий меч на преданных военачальников покойного брата. Кого-то разжаловали, кого-то с позором лишили чинов. Не вмешайся тогда генерал Вэй Чэн, дело наверняка закончилось бы массовыми казнями.

Простые воины, видя, как их заслуженных командиров без вины лишают чести, возроптали. Началось дезертирство — люди бежали из армии, спасаясь от гнева нового правителя. Но принца Цзиня это лишь разозлило. Он повелел провести суровое расследование и казнить беглецов для острастки остальных, а вдобавок — урезал войску жалованье.

Это решение стало роковой ошибкой. Пограничные заставы погрузились в хаос, каждый жил под гнетом страха. Пользуясь неразберихой, бесчестные чинуши начали безбожно разворовывать армейскую казну. Солдаты голодали, превращаясь в ходячие скелеты. Лишь чудом уцелевшие остатки верности долгу удерживали Северо-западную армию от немедленного бунта.

Проведав о творящемся беззаконии, Чжун Бочэнь заставил мздоимцев вернуть украденное до единой монеты, после чего, рискуя быть растерзанным разъяренной толпой, самолично отправился в лагерь, чтобы усмирить мятежный дух воинов. Но стоило ему, измотанному, вернуться в столицу, как матушка-императрица и мой непутевый брат устроили ему жестокую взбучку. Его обвинили в самоуправстве, нарушении священной воли престола и вознамерились бросить за решетку.

Но ответ великого канцлера был беспощаден и остер, точно клинок: «Если нет на троне истинного Сына Неба, то о каких указах может идти речь?»

Придворные вельможи, глубоко тронутые его верностью государству, сплотились вокруг Чжун

Бочэня и общими силами лишили мою мать и брата бразды правления.

От этого рассказа я окончательно опешил. Оказывается, мой младший братец вовсе не был невинным младенцем — он был непроходимым глупцом. Бог с ним, с умением ладить с народом, но базовые законы выживания при дворе у него напрочь отсутствовали. Ну как можно было пойти наперекор столь расчетливому и могущественному человеку? Поистине, парень сам торопил свою кончину.

Заметив мое замешательство, Чжун Бочэнь тихо спросил:

— Если бы на месте принца Цзиня оказались вы, Ваше Высочество, как бы вы поступили?

Немного поразмыслив и укрепившись в мысли, что воины пострадали без вины, я ответил со всей прямоотой:

— Думаю, наш старший брат, принц Чун, при всех его грехах, все же пекся о судьбе Поднебесной. Ведь начнись смута, призови он верные ему пограничные войска в столицу — трон он, возможно, и захватил бы. Но рубежи остались бы без защиты. Хищные соседи не упустили бы шанса ударить в спину, и тогда нашей империи пришел бы конец.

Простая истина, которую мой нерадивый брат так и не сумел постичь.

Чжун Бочэнь молча кивнул и принялся аккуратно запахивать края моей одежды. Я поплотнее укутался в одеяло и продолжил:

— Случись такое при мне, я вряд ли изобрел бы гениальный план. Но я бы точно доверил это дело тебе и дяде Вэю. Карать без разбору нельзя. Династии сменяют друг друга, но защитники рубежей ни в чем не виноваты. Разве может выстоять государство, если не останется верных воинов, готовых проливать за него кровь? Если не ценить их жертву, их пламенные сердца со временем превратятся в лед. А обидеть армию — значит собственноручно вырыть себе могилу.

— Ваше Высочество мудр. Именно поэтому вы — единственный, кто достоин этого трона, — негромко произнес Бочэнь.

Он слегка потянул меня к себе. Самого того не заметив, я оказался прислоненным к его плечу, однако продолжал увлеченно разглагольствовать:

— Не превозноси меня. Если бы не твоя решительность, мой брат навсегда остался бы в летописях как безумец, погубивший страну. Знаешь, я ведь сегодня признался дяде Вэю, что считаю именно тебя лучшим кандидатом на престол. Он перепугался, назвал меня сумасшедшим и велел держать язык за зубами, дабы не навлечь на тебя беду. Но я нахожу вашу верность глупой. Какая разница, кто восседает на троне — Цэнь или Чжун? Власть должна принадлежать тому, кто умеет ею пользоваться. Род Цэнь угасает, и глупо винить в

этом кого-то еще.

Чжун Бочэнь замер. Его сердце забилося столь неистово, что этот глухой, частый стук отозвался дрожью у меня в груди. Только сейчас я сообразил, что полулежу в его объятиях. Смутившись, я поспешно отстранился и взглянул на его окаменевшее лицо:

— Господин Чжун... Если когда-нибудь ты действительно взойдешь на престол, не прогоняй меня. Дай мне крышу над головой и кусок хлеба... Большого мне не надо.

Бочэнь вздрогнул, а в темных глазах блеснули слезы, подобные утренней росе. Взгляд мой невольно упал на крошечную родинку у его века. Она походила на случайную каплю туши, оставленную кистью мастера на безупречном пейзаже среди величественных туманных гор. Крошечная деталь, придающая картине неповторимое изящество.

Словно в затмении, я протянул руку и осторожно коснулся пальцем его виска. Подушечка мгновенно стала влажной. Я опешил и хотел было спросить, что стряслось, но не успел произнести ни слова.

Бочэнь внезапно рванулся вперед и крепко сжал меня в объятиях — с такой отчаянной силой, что у меня перехватило дыхание. Он тяжело дышал мне в самое ухо. Я уткнулся подбородком в его плечо, чувствуя, как удушливый страх последних дней постепенно сменяется странным, умиротворяющим покоем.

— Ваше Высочество так ничего и не понял... — Его тихий вздох, казалось, донесся из какой-то невообразимой дали. — Совсем меня не понимаешь...

<http://bllate.org/book/19811/2038273>